

КРОКОДИЛ

— В СССР НАРУШАЮТ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА!

— Да перестаньте верещать: мешаете!..

Рисунок *В. ШКАРБАНА.*

18
1977

Соревнование

КРОКОДИЛЬСКАЯ ПРОВЕРКА

ВСЕ ПОПОЛАМ

Л. ЕФИМОВ, Вл. МИТИН,
специальные корреспонденты Крокодила

Поскольку авторов фельетона было двое, они решили соревноваться. Один, мол, поедет на Васильковский завод холодильников в четверг, другой — в пятницу. Суббота же отводилась подбитию творческих итогов... И пришла суббота.

— Ликуй,— сказал один автор другому.— Ты победил. У меня получается не пламя сатиры, а лампадное свечение. В лучшем случае я могу взобраться на литературный амвон и спеть этому предприятию аллилуйю...

— Ну что ты! — возразил коллега.—У меня все наоборот. Настолько, что вместо конструктивной критики получилось описание сплошных безобразий...

И действительно. Первый автор воспел авангардную технологию, неистовое соревнование цехов и отделов, а также лучистый оптимизм директора В. К. Шпилевого.

— Смотрите! — дрожа от энтузиазма, приглашал первого автора директор.— Вы видите эту элегантную и доступную по цене продукцию?

Тов. директор лично демонстрировал станки, пиршество новейших концепций. Трудящийся доцентского вида лишь касался кнопки, и — ах! — машина вмиг выдувала из стирола корпус сложнейших конфигураций. А на конвейерах шла интеллигентная безмозольная сборка.

Но с особым подъемом первый фельетонист отметил лики победителей соревнования, что висели на стенде у проходной. Как задорно состязались они, сборщики и сварщики, монтеры и уборщицы, труженики ОТК и водители! И не только в рамках завода велось состязание, но и в пределах министерства.

Когда этот автор захлопнул блокнот, его коллега воскликнул:

— Странно! А был ли ты именно на Васильковском заводе?.. Я увидел там нечто совсем другое...

И действительно. Второй автор описал не техническую гармонию и не производственный парадиз, а средневековый хаос. Не сверхсовременные корпуса увидел он, но аварийные стены дореволюционной «монопольки», где под локомотивный свист пара и танковое лязганье железок рабочие вручную клепали агрегаты «Кристаллов-3». По пятьдесят шесть швов сваривали они, осыпаясь колючим бенгальским пламенем...

А затем он описал и свою встречу с директором В. К. Шпилевым. Только предстал он второму автору в ином качестве. Не сверкающий оптимизм читался на его лице, но как бы хандра и предчувствия.

— В тот день,— трепеща, рассказывал В. К. Шпилевой,— когда меня бросили сюда десятым по счету директором, жена моя, убиваясь, спросила: за что и на сколько?.. Эверест бракованных агрегатов леденел на дворе «монопольки». Двадцать семь тысяч штук... А на первое февраля сего года наш завод принял пятьдесят тысяч рекламаций на пятьдесят пять тысяч «Кристаллов»! Кровь стынет, будто в морозилке чудом не забракованного холодильника...

А потом директор слезно попросил вообще не писать о соревновании. Так как на деле было не состязание, а неизвестно что: бой с тенью, скачка наперегонки с привидением...

И тогда авторы решили вместе поехать на Васильковский. Пусть-де их рассудит один и тот же директор, В. К. Шпилевой, выступавший доселе как бы в двух ипостасях.

— Дело в том,— пояснил Владимир Константинович,— что один из авторов, вот вы, который пониже росточком и в очках, были на новой территории нашего завода, там, где идет сборка холодильников, где прогресс и дерзания. Зато другой автор, тоже в очечках, но повыше, был на старой территории. Там, где куют вручную «сердце» холодильника, его агрегат. Где маразм и запустение. Но оба вы не знаете главного...

И директор рассказал о вещах столь кошмарных, что даже у того литератора, который был полысее, и то волосы встали словно бы дыбом.

Да, кипела на заводе бурная деятельность. Да, велось на этом предприятии неуклонное соревнование. Но вся эта вулканическая активность и все это титаническое состязание выливались только в производство абсолютного нуля, фикции. Это было бы еще с полгоря. Весь же ужас был в том, что героические усилия соревнующихся результатом своим давали сплошной минус, убыток! Потому, что качество готовой продукции получалось ужаснейшим...

— А как мы дадим качество? — гремел В. К. Шпилевой.— Если приходится применять трубы, которые неминуемо трескаются! Из них утекает аммиак! И тогда всему холодильнику — труба, крышка, амба! Все наши обращения в Главснаб, Союзглавтрубснабсбыт и Минлегпищемаш с просьбой выделять надлежащие трубы, кончаются пшиком...

Также выяснилось, что в свете вышеизложенного и неистовое соревнование между родственными предприятиями выглядит, мягко говоря, курьезом. Ибо каждое предприятие, получая сведения о состязании друг от друга, само решает, кто победил.

И уже в конце этой беседы прояснилось, что холодильник «Кристалл-3», даже годный, вообще никому не нужен. Население от него решительно отказывается, ибо он немодный и с плохой репутацией. И товаропроводящая сеть умоляет завод не поставлять ей «Кристаллы» ни под каким видом!..

Авторы вышли из заводоуправления, шатаясь под грузом полученных сведений. И решили в данном конкретном случае не соревноваться. А написать сообща всего один фельетон. Просто для пользы дела...

Киевская область.

В редакцию «Крокодила» влетел снабженец нашей типографии и сообщил сногсшибательную новость:

— Зря вы корпите над фельетонами. Скоро их не на чем будет печатать. У нас офсетные пластины на исходе.

А для изготовления этих пластин срочно требовалась ТОВ (ткань офсетная высокопрочная), которую скверно поставлял Глуховский ХБК (хлопчатобумажный комбинат).

— И пишем на комбинат и пороги обиваем, все без толку,— махнул рукой снабженец.— Может, вам удастся достать ТОВ!

И КОРРЕСПОНДЕНТ ЖУРНАЛА СРОЧНО ВЫЕХАЛ В ГОРОД НОГИНСК... **(СМ. СТР. 8—9)**

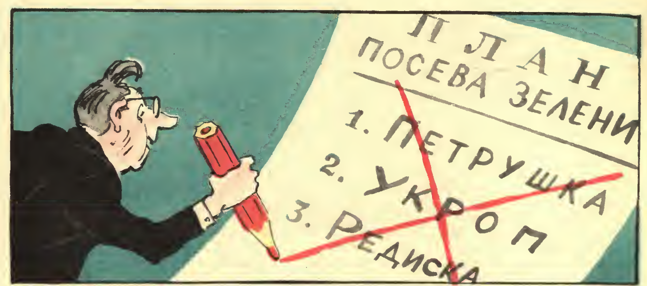

Рисунок *В. ЖАРИНОВА.*

«Я понервничал, повысил голос и даже закричал. Ну и что?! Она (продавец) тоже закричала...»

Из письма Н. Максимова, г. Москва

КАК АУКНЕТСЯ...

...А в результате вместо свежих яиц в сумке человек унес в своем сердце обиду. А все потому, что не сдержался, не захотел выслушать объяснение, что яйца-де поднесут через пару минут. Беседую с автором письма. Охотно признает: «Я погорячился. Но ведь я имею на это право. Я покупатель. А она не имеет. Она за свою выдержку зарплату получает...» Продавец тоже человек, говорю я, и нервы у него не железные. Так что будьте взаимно вежливы. Читали, наверное, такой плакат? Мой оппонент заулыбался. «Да мало ли что напишут для красного словца. А жизнь, оно другое...»

Нет, жизнь не другое. Жизнь то же самое. И реагируют не только вещества в химии, но и работники сферы услуг. И здесь реакция протекает подчас более бурно, чем в иной пробирке. Однажды и я грешным делом вступил в полемику с парикмахером по поводу своей будущей прически. Не знаю, не слишком ли административно звучал мой голос, но только она ужасно расстроилась, и я ушел домой с красиво выстриженной лысиной на макушке. Нет, я никогда не жалел о том, что был вежлив в магазине, ателье, кафе, конторе жэка, но очень часто... Да что говорить, знаете сами.

В минуту откровенности один знакомый банщик сказал мне: «Вы не думайте, у нас тоже есть много способов самообороны против грубого клиента...» «А что вы можете?»—спрашиваю с повышенным интересом. «Очень даже много. Водичку хорошую отключить. Простынку не дать свежую. Шкафчик вовремя не открыть». Да, это немало. Это заставляет задуматься. Попробуйте-ка постоять мокрый с десяток минут, ожидая исчезнувшего пространщика...

А не мы ли с вами, читатель, сами виноваты в том, что нередко работник сферы услуг становится холодным формалистом, все делает вроде бы в согласии с инструкцией, но не вкладывает в дело ни грана человеческой души? Был случай. Я опаздывал на поезд. Трамвай остановился в трех метрах от своей остановки. Напрасно я просил вожатую открыть дверь, показывал ей билет, командировку. Она смотрела на меня с непроницаемым видом. Не положено. Увы, она была права...

Вот еще письмо. «Дорогой Крокодил! Я обращаюсь к тебе не зло разменивать, а от зла спастись. Не так давно вызывают меня на беседу за небольшое нарушение по технике безопасности. Стали спрашивать, почему я неприветлива, не улыбаюсь... Да, это так. Но почему? Восемь лет назад, окончив курсы, я стала работать в Витебске водителем трамвая. Жила в общежитии с сыном-школьником. Да только стали меня выживать из общежития. Я молила, взывала о помощи. Но никого это не тронуло. В конце концов три года назад мне пришлось уйти на частную квартиру. А теперь я никуда больше не пишу, не жалуюсь, да вот обнаружилось, что я неприветлива, угрюма, не улыбаюсь. А мне не до улыбок. И вызвали меня, кстати, для беседы те же люди, что выживали из общежития... Е. И. Лосева».

Что верно, то верно. На любовь отвечают любовью. А нет любви — нет и взаимности. Работник сферы услуг так же нуждается в заботе и внимании, как и работник любой другой сферы. И он так же отзывчив на доброе слово и дело, как и все другие. Ему нужно и жилье, и место в яслях для ребенка, и хорошая спецодежда, и свой клуб, и условия для учебы, и путевка в дом отдыха или санаторий...

Его нужно уважать, ценить и любить. И тогда в ответ на это он будет добр и внимателен к нам с вами, дорогой читатель. И нам никогда больше не придется в гневе требовать книгу жалоб или хвататься за таблетку валидола...

Фельетонист

— Мы первые заняли этот столик!
— Какая разница, дети, где сидеть.

Рисунок Г. АНДРИАНОВА.

Андрей ЯХОНТОВ

В пятницу перед самым концом рабочего дня Сухова вызвал начальник. Предложил сесть и неожиданно спросил:

— Вы чем в воскресенье заняты?

— Я?.. Отдыхаю,— уклонился от прямого ответа Сухов. А у самого сердце екнуло: отчет всучит. А в воскресенье день рождения жены, гости придут. Но начальнику об этом говорить неудобно. Столько раз чуткость проявлял, давал отгулы, теперь вполне может просить в выходной поработать.

— Дело в том, что у меня в воскресенье день рождения,— сказал начальник.— Хочу вас пригласить. Вы как? Сможете?

— Конечно,— без запинки согласился Сухов. А что делать было? На его месте каждый бы согласился. А как увильнуть, он еще придумает, в крайнем случае извинится по телефону.

— А то на службе мы с вами душа в душу,— продолжал начальник,— ни с кем у меня таких отношений нет, а домами не дружим. Запишите адрес.

С работы Сухов ехал в глубокой задумчивости. Жене говорить не стану, убеждал себя он, а сам откажусь. И ничего страшного, сам же начальник больше уважать будет — за честность, независимость, за то, наконец, что свое мнение имею. Но понимал: за что уважать-то? Он к тебе, можно сказать, с открытым сердцем, а ты... Все люди, не только начальники, не любят, когда им отказывают.

И все же не выдержал. Ушел с женой на кухню, чтоб теща не слышала и при детях ссор не затевала.

— Такое дело, Наташа... И не знаю, как начать... Одним словом...

Конечно, расстроилась. Сухов ее не утешал: ну что можно сказать, все-таки сорок лет, какой-никакой, а юбилей, хотелось дома, как говорится, среди родных и друзей... Но Наташа все поняла, она всегда Сухова понимала. Ведь об общих семейных интересах надо думать, а не о личных удовольствиях. Начальник к Сухову всей душой, с Нового года двадцать рублей прибавил, где еще Сухов столько получать будет? И под конец разговора даже улыбнулась: дескать, это совсем неплохо, что перенесем рождение, дольше молодой останусь. А Сухову от этой улыбки захотелось с балкона прыгнуть. Ну что он за человек, до каких пор будет от всех зависим?

В субботу Сухов с женой ходил по магазинам, выбирал подарок.

— Вот такой фартучек мне тетя Поля обещала подарить,— щебетала жена, а Сухов маялся: что выбрать? Кофейный сервиз — дорого, да, наверное, и есть у начальника сервиз. Эстамп на стенку — мелко, несолидно. Хрусталь — не так могут понять, скажут, мещанство.

Уже совсем отчаялись, устали, когда в комиссионном на Арбате увидели африканскую маску из черного дерева. И цена не малая, и начальнику такая экзотическая вещица вроде должна по вкусу прийтись. А если к ней еще букет цветов — для супруги, то совсем шикарно.

И точно, начальнику подарок понравился. У Сухова отлегло от сердца. Правильно выбрал.

Из гостей Сухов никого не знал, а войдя в ярко освещенную комнату, почувствовал, будто стал ниже ростом. Начальник его к каждому из присутствующих подводил, говорил вежливые слова, Сухов отчего-то не мог уловить, что именно он говорит, и только протягивал всем руку и улыбался. И еще на Наташу оглядывался, чтоб не отставала.

Пригласили к столу, в соседнюю комнату. Квартира у начальника была что надо. Сухов сразу приметил телевизор в углу — в семь футбол, наши с Турцией. И так счастливо получилось, что за столом он прямо против экрана оказался. Сам бы так сесть, конечно, постеснялся.

Но пока все расселись, пока первые тосты произнесли, пятнадцать минут первого тайма прошло, а о футболе и не вспомнил никто. Сухов даже засомневался: может, они специально договорились его разыграть. Ждут, долго ли вытерпит. Хотел как-нибудь деликатно намекнуть. Например, тост произнести за победу нашей сборной и таким образом напомнить... Но так и не решился.

И две обиды — за то, что Наташин день рождения приходится здесь, среди незнакомых людей справлять, или, вернее, не справлять, а замалчивать, и за то, что не стали они футбол смотреть, а какие-то разговоры свои вели, и все друг другу «ты» говорили, а к нему, Сухову, никто ни разу не обратился,— так Сухова задели, что не выдержал он, поднялся во весь рост и объявил:

— А вы знаете, у Наташи моей тоже сегодня день рождения,— и собственной смелости испугавшись, заробел, осекся.

Но гости заулыбались, зашумели.

— Ой, как здорово!

— Что ж вы раньше молчали?

— За новорожденную!

Наташа покраснела, смутилась. Встала, рюмочка в руке дрожит.

— Спасибо,— говорит.— Я только хочу сказать, что о лучшем дне рождения для себя и мечтать не могла.

И начальник Сухова после этих слов так растрогался, что самый большой букет роз — из тех, что его супруге подарили,— Наташе преподнес.

В ФОТОАТЕЛЬЕ

— Чтоб я еще хоть раз снимал любителей природы!

Рисунок *И. СЫЧЕВА.*

ВЫСТАВКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

С большим успехом прошла в Москве 3-я Международная выставка «Сатира в борьбе за мир». На ней экспонировалось более 600 острых, талантливых, разящих противников мира не в бровь, а в глаз графических произведений художников 25 стран. И вот теперь она совершает путешествие по нашей стране. С выставкой ознакомятся жители Киева и Ленинграда, Минска и Тбилиси. Но и на этом не закончится ее работа. Ведь недаром же выставка международная. До конца года она побывает в Чехословакии, ГДР, Венгрии, Болгарии, на Кубе. Ведутся переговоры об экспонировании выставки в Финляндии и Алжире. «Крокодил» рад большому и заслуженному успеху выставки и от всей души желает ей доброго пути.

Ниже печатаются список жюри выставки и фамилии ее участников, удостоенных почетных наград.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЖЮРИ III-ЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВЫСТАВКИ «САТИРА В БОРЬБЕ ЗА МИР»

Х. Бидструп (председатель, Дания), Б. Ефимов, Ф. Решетников, Кукрыниксы (М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов), М. Абрамов, А. Крылов, С. Михалков, В. Захарченко, Б. Старчиков (СССР), Г. Анастасов (НРБ), Ц. Доржготов (МНР), Л. Раувольф (ГДР), В. Кицинский, Е. Флисак (ПНР), Д. Мотичка (ЧССР), А. Канио, А. Мейсарош (ВНР), А. Шумаков, В. Иванов, И. Астапов, Г. Ломидзе, Е. Дубровин, В. Зелинский (СССР).

Премии международного жюри

ЗОЛОТЫЕ МЕДАЛИ

Оливер Харрингтон (США), Альфред Байер-Ред (ГДР), Евгений Каждан (СССР).

СЕРЕБРЯНЫЕ МЕДАЛИ

Карлучо (Карлос Виллар) (Куба), Ефимовский Жозеф (СССР), Маринов Радослав (НРБ), Вердини Рауль (Италия), Руи Гарсао (Ангола).

БРОНЗОВЫЕ МЕДАЛИ

Берг Хенрик (ГДР), Осевский Веслав (ПНР), Чижиков Виктор, Гейвандов Павел (СССР), Тугай Айгун (Турция), Самукас Фридрикас, Петренко Василий, Румянцев Юрий, Абрамов Олег (СССР), Сётер Свен (Норвегия), Балаж-Пири Балаж (ВНР), Идзуми Тору (Япония), Хайнке Эрхард (ФРГ), Байды Цевигийм (МНР), Жентел Иржи (ЧССР), Стоянович Миодран (СФРЮ), Насыров Леонид, Лисогорский Наум, Караваевы Валентин и Галина, Брискин Вениамин (СССР).

ПОЧЕТНЫЕ ДИПЛОМЫ

Черепанов Юрий, Долгоруков Николай, Меньшиков Владимир, Стрельников Ростислав и Судец Александр (СССР), Кречмар Харальд, Краньль Зигфрид (ГДР), Иорш Гарри, Иванов Владимир, Зелинский Валерий (СССР), Кицинский Войцех (ПНР), Т. Сато (Япония), Паточек Вацлав (ПНР).

Призы общественных организаций и издательств

КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ МИРА (ЗОЛОТЫЕ МЕДАЛИ)

Билл Эндрюс (США), Георгий Анастасов (НРБ), Душан Мотичка (ЧССР), Карл Шелпеман (ФРГ), Лев Самойлов (СССР).

СОВЕТСКИЙ ФОНД МИРА (ПОЧЕТНЫЕ МЕДАЛИ)

Владимир Гальба (СССР), Гаральд Кречмар (ГДР), Антонио Кармо (Португалия), Владо Ёцич (СФРЮ), Ежи Флисак (ПНР), Цэндийн Доржготов (МНР).

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ СССР (ПОЧЕТНЫЕ ДИПЛОМЫ)

Журнал «Крокодил» (СССР, Москва), журнал «Чаян» (СССР, Казань), Виктор Чижиков (СССР), Билл Эндрюс (США), Луис Раувольф (ГДР).

РЕДАКЦИИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ (ПРИЗЫ)

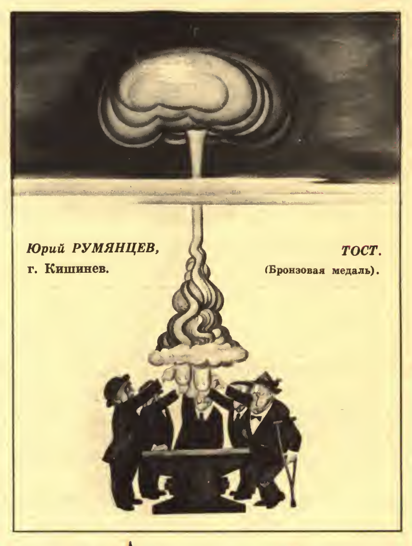
«Известия» — Е. Гуров, «Труд» — В. Добровольский, «Комсомольская правда»—В. Мочалов (СССР), «Крокодил»—А. Мейсарош (ВНР), Ф. Бланко (Куба), В. Фуглевич (ПНР), М. Катаёри (Япония).

СОЮЗЫ ЖУРНАЛИСТОВ (ПРИЗЫ)

Ю. Денисов — ГДР, А. Андреев — ВНР, М. Абрамов — ЧССР.

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ СОЛИДАРНОСТИ С ЧИЛИЙСКИМИ ДЕМОКРАТАМИ (ПРИЗ)

О. Волкова (СССР).

Юрий РУМЯНЦЕВ, г. Кишинев. ***ТОСТ.*** (Бронзовая медаль).

Веслав ОСЕВСКИЙ, Польша. *ЗАДЕРЖАТЬ ВООРУЖЕНИЕ.* (Бронзовая медаль).

Т. ШАБАШОВА, специальный корреспондент Крокодила

ОРДЕР БЕЗ КВАРТИРЫ

Пенсионерка М. П. Смирнова жила в центре Каунаса в двух солнечных комнатах в просторной коммунальной квартире. Но вот беда — с некоторого времени по тому же адресу начала жить и новая соседка Эмилия Юозовна Крячелюнене. Кроме разных добродетелей, эта достойнейшая женщина обладала еще одним божьим даром: мощными голосовыми данными. И надо ли сомневаться, что вскоре квартира превратилась в горячую точку планеты. Последовали суды, разбиравшие кухонные баталии. Их, говорят, было не то 12, не то 14. И вот однажды, когда Мария Павловна отлучилась, квартиру перегородила стенка. Одна уютная квартирка вышла с удобствами, другая — без.

Раздел совершился не без помощи организаций, ведающих жильем. Эти организации спасовали перед пробойной Эмилией Юозовной и представили в суд документы в ее пользу. Суд, конечно, учел позицию жилорганов и решил, что варить суп на плите и купаться в ванной может одна Эмилия Юозовна.

Мария Павловна зачастила с визитами к начальнику горжилуправления тов. П. Е. Синякову, в рай- и горисполкомы.

— Ах, эта Смирнова, сколько можно жаловаться! — досадовали в кабинетах и писали ответы, суля предоставить Марии Павловне новую квартиру.

И вдруг Мария Павловна узнает, что ей, уже давали квартиру! Окнами на солнечную сторону, с балконом, с зеленью под ним, с и т. д.! И она от нее отказалась!..

«УЧИТЫВАЯ СОСТОЯНИЕ ВАШЕГО ЗДОРОВЬЯ, КАУНАССКОМУ ГОРИСПОЛКОМУ ПРЕДЛОЖЕНО ВЫДЕЛИТЬ ВАМ ПОВТОРНО (ОДИН РАЗ ОТ ВЫДЕЛЕННОЙ КВАРТИРЫ ВЫ ОТКАЗАЛИСЬ!) ОТДЕЛЬНУЮ ИЗОЛИРОВАННУЮ КВАРТИРУ СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО САНИТАРНОГО ВРАЧА СССР, НАЧАЛЬНИК САНЭПИДЕМУПРАВЛЕНИЯ В. Е. КОВШИЛО».

У кого почерпнул тов. Ковшило сведения? От Евдокии Николаевны Шаклеиной — представителя санитарно-эпидемиологического управления, выезжавшей в Каунас по жалобе Смирновой. Только зачем выезжала в Каунас Евдокия Николаевна, когда рапортовала она, ориентируясь не на местности, а по бумажке, оперативно представленной ей Синяковым? Эту бумагу товарищ Синяков рассылал по разным адресам:

«КАУНАССКИЙ ГОРИСПОЛКОМ ВЫДЕЛИЛ СМИРНОВОЙ М. П. КВАРТИРУ В НОВОМ ДОМЕ, 22,41 кв. м ПЛОЩАДИ, СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ, ГОРЯЧИМ ВОДОСНАБЖЕНИЕМ, ПРИРОДНЫМ ГАЗОМ, НА ВТОРОМ ЭТАЖЕ, В СОЛНЕЧНУЮ СТОРОНУ, С БАЛКОНОМ, С ЗЕЛЕНЬЮ, И Т. Д. ОТ УПОМЯНУТОЙ КВАРТИРЫ СМИРНОВА ОТКАЗАЛАСЬ, ПОЭТОМУ ЕЕ КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС РЕШАТЬСЯ НЕ БУДЕТ.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ ЖИЛИЩНОГО ХОЗЯЙСТВА П. СИНЯКОВ»

А было вот что.

В один из тех смятенных дней вызывали Смирнову в горком партии и предлагали расписаться за ордер на новую квартиру. Глянула Мария Павловна — ордер — все на месте. Бланк, печати, подписи. Нет только адреса. Незначительная деталь эта отсутствовала. Обошлось без нее и в документе товарища Синякова.

— Где находится квартира?—спросила Мария Павловна.

— А-га! Значит, отказываетесь?!

— Не отказываюсь, а выясняю...

— Так и запишем: отказалась!

И летит в Верховный Совет СССР Мария Павловна. И летит из Верховного Совета в Каунас запрос: «СООБЩИТЕ АДРЕС».

— Адрес? Пожалуйста! Улица Партизану, дом 68, квартира 72. Не квартира — конфетка! На втором этаже! В солнечную сторону! С балконом! С зеленью! С н т. д.!

«СПРАВКА ЖИЛИЩНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛКОМА ЛЕНИНСКОГО РАЙОНА.

4-е ДОМОУПРАВЛЕНИЕ УДОСТОВЕРЯЕТ, ЧТО ЖИЛОЙ ДОМ ПО УЛ.

К. УБИЛАВА, специальный корреспондент Крокодила

ЛОЖЬ ПЕЧАТНЫМИ БУКВАМИ

По дороге в станицу Рязанскую, Белореченского района, я с содроганием рисовал себе такие картины:

Ученики, трудясь на каникулах в колхозе, зарабатывают деньги, а директор школы № 5 захапывает их и пропивает, не выходя из кабинета.

Многие учителя увлекаются перстнями с большими камнями. Ими они стукают по неугодным ученическим макушкам.

Гуляют ученики по улице и что же видят? Они видят пьяных учительниц, те кричат и матерятся, а одна и вовсе на четвереньках ползает.

Был хороший учитель — В. Самофалов, но его директор выгнал. Был хороший завуч В. Прокопенко, но его постигла та же участь.

Все это не родила моя фантазия: я вспоминал письмо группы школьников. Правда, запуганные и забитые перстнями, ребята не подписали письмо.

Понятное дело, меня снедало желание дать зарвавшимся педработникам по рукам с перстнями.

В Рязанской я кинулся к родителям учеников М. и Д.:

— Ваших деток били в школе?

— Нет,— ответили родители.— Хотя погодите. Приходил тут учитель Самофалов и просил написать жалобу, будто бы директор школы бьет наших детей.

Я к директору Г. Моторкину. А он за неделю до моего приезда превратился в рядового учителя. По собственному горячему желанию. Жалобы и их проверки, говорит, вконец замучили.

Ищу В. Самофалова, пусть объяснит сам, что к чему.

— Учитель немецкого языка Самофалов далеко,— слышу,— в другом районе. Уже с год.

Читаю разные документы, разговариваю с учителями. И что же? В. Самофалов — учитель весьма посредственный, зато кляузник очень бойкий. Сменил дюжину школ: то прогоняли, то сам уходил. И в Рязанской на коллег завел «досье». Учитывал, кто к кому на день рождения ходил, кто, что, где, когда сказал и зачем, да как эти слова можно истолковать. Пять лет «сигнализировал» В. Самофалов во все концы. Да ничего не подтверждалось.

— Мы сами просили избавить коллектив от клеветника,— резюмировали учителя.

Засомневался я: неужто такого человека так любят анонимные ученики?

Конечно, мог пролить свет на порядки в школе другой обиженный — бывший замдиректора В. Прокопенко, преподаватель литературы. Известно же: словесник воспитывает учеников и нравственно. Уж он-то...

Начинаю выясиять и узнаю, он действительно человек принципиальный. У него такой твердый принцип: говорить одно, а писать — противоположное. Вот выступал на собрании и распинался о директоре Г. Моторкине: у него, мол, есть недостатки, но работать с ним интересно, он энергичен, прекрасный учитель, очень уважаемый человек. Но вот хранится среди множества бумажных следов о баталиях в школе № 5 некий документ: анонимная жалоба. Там написано: директор Г. Моторкин не умеет руководить, присваивает заработанные учениками в колхозе деньги, пьянствует.

Но удивительное дело! Почерк в этой неподписанной жалобе разительно походил на почерк В. Прокопенко. Я спросил его:

— Скажите, чем это объяснить?

— Да, это я писал. Но не подписался, о чем теперь сожалею...

А началось все с того, когда его за развал работы попросили с поста зам. директора школы. В. Прокопенко сильно обиделся. И оружием восстановления «попранной справедливости» из-

---

ВСТРЕЧИ СО СТАРЫМИ ЗНАКОМЫМИ

Э. ПОЛЯНСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

Кто такой Шушлебин? С одной стороны, герой фельетона «Свои парни» («Крокодил» № 22 за прошлый год). Помните, он оскорбил площадной бранью мастера по инструменту Анну Никандровну Фирсову? Но, с другой стороны, он человек неуязвимый во всех отношениях, так как оскорбление женщине нанес, будучи секретарем партбюро цеха.

Больше того, секретарствует он и поныне. Партком корпуса рекомендовал его к переизбранию. И раз так, Шушлебин перестроился, вооружился рыцарскими доспехами, и женский пол в его лице приобрел защитника и покровителя. Не исключая, разумеется, и А. Н. Фирсовой.

И действительно, к Анне Никандровне Шушлебин после опубликования фельетона проявил прямо-таки трогательное внимание.

— Не много ли мы взвалили на хрупкие женские плечи? — переживал секретарь партбюро.— Она и народный заседатель, и заместитель председателя цехкома, и уполномоченный по подписке. И это при наличии двух детей.

Он пекся о Фирсовой так, как не пеклась она сама о себе. Сама Анна Никандровна любила общественную работу, ничуть ею не тяготилась и считала, что жизнь без общественных нагрузок неполноценна. Поэтому, когда перед отчетно-выборным профсоюзным собранием ее спросили, согласна ли она быть кандидатом в члены цехкома, Анна Никандровна ответила утвердительно. Председатель цехкома А. Соколов даже стал обсуждать вопрос: «А не заменить ли меня на этом посту Анне Никандровне?» Вопрос этот он обсуждал с начальником цеха В. Земляковым и секретарем партбюро Н. Шушлебиным.

— Я категорически против,— заявил секретарь.— Надо же совесть иметь. Не заботимся мы о наших женщинах, не учитываем их домашней специфики. Пусть детей воспитывает...

Перед выборами профкома корпуса с Фирсовой беседовал его председатель Ю. Мартынов.

— Собираемся выдвинуть тебя в профком. Берешь детский сектор?

— Беру,— с радостью согласилась Анна Никандровна.— Он мне, как матери, близок.

И вот собирается партийно-профсоюзный актив корпуса, на котором обсуждаются кандидатуры в профком. Называется кандидатура Фирсовой. Шушлебин, конечно, при этом вскакивает и начинает высказываться о нелегкой женской доле — у них, дескать, горемычных, и дети на руках, и муж — всех накорми, обстирай, в жилище уют обеспечь, какой уж тут может быть профком.

И снова не стали перегружать Фирсову общественной профкомовской работой. Хотела было Анна Никандровна объяснить активу, что вовсе не заскабалена она домашними хлопотами — муж и дети выручают. Но промолчала.

Захотелось и начальнику цеха проявить теплоту к Анне Никандровне. Вызвал он ее и посетовал:

— Редко мы видимся. Приходи ко мне почаще. Хотя бы за письменным разрешением на пропуск. Для прохода на основную территорию.

Подивилась Анна Никандровна такому вниманию. До сих пор по мере служебной надобности она свободно посещала основную территорию. Как все, без дополнительной бумажки. А теперь ей каждый раз необходимо было обращаться к начальнику.

Трогательно. Хотя и несколько обременительно.

Но на этом душевная теплота начальника цеха не исчерпалась. В янва-

ПАРТИЗАНУ, № 68, НЕ ЧИСЛИТСЯ. УДОСТОВЕРЯЕТСЯ, ЧТО ЭТО СРЕДНЯЯ ШКОЛА № 29».

— Ну, описка, подумаешь, дело какое! — неколебимы каунасские товарищи.— Не Партизану, а Пранцузу! Улица Пранцузу, дом 68, квартира 72. На втором этаже, с балконом, с зеленью, с и т. д!

Долго едем в машине и приезжаем в чисто поле. Средь крутых снегов — две-три новостройки.

— Какой воздух! — восхищается первый заместитель отца города П. П. Берташавичюс.— Один кислород чего стоит!

На втором этаже в доме № 68 по улице Пранцузу квартиры 72 не оказалось. Ни с балконом, ни с зеленью под ним. Квартира 72 отыскалась на первом этаже, низкие окна уткнулись в сугроб. Стало ясно, что подразумевал товарищ Синяков под таинственным «и т. д.». Он имел в виду жильцов квартиры 72, которые там мирно жили...

Да, замечательная в своем роде история приключилась с Марией Павловной. Много в ней смешалось: и узаконенная незаконная стенка, и благополучные ответы на жалобы, и балкон, и зелень, и ордер на чужую квартиру и т. д.

г. Каунас.

брал кляузы. Опираясь на богатый опыт и практические советы своего собутыльника — В. Самофалова...

Дело поставили широко. Фирма, как говорится, перед затратами не останавливалась. Выработали даже своеобразную таксу: за подписание жалобы на директора предлагали одну цену, на работников пониже рангом — другую...

Вот почему пошли в школе великие разброд и шатания. Днем В. Самофалов говорил о премудростях иноязычной грамматики, В. Прокопенко — о нетленности духовного богатства великой литературы, а вечером они же выдумывали небылицы о коллегах.

На сыпавшиеся «сигналы» директор Г. Моторкин отвечал, организуя контрписьма. В школе, как говорится, скучно не было. Все больше работников втягивалось в эти коллизии.

Ну да, конечно, приезжали различные комиссии. Разбирались. Устанавливали, что все «сигналы» чепуха на постном масле. И уезжали.

Авторы и вдохновители лживых писем продолжали учить ребят.

Как делают это и до сих пор...

Краснодарский край.

ре он снова вызывает Анну Никандровну.

— Все-таки мы, мужики, народ несдержанный. Правильно нас «Крокодил» изобразил. А все равно не помогло. Нехорошие слова сами слетают с губ. Неосознанно. А ты женщина тонкой организации. Легко ли тебе среди нас. А тут, на твое счастье, случай вышел. Требуется сократить единицу. И надо же, какое совпадение,— именно мастера.

Заботиться о человеке тоже надо умеючи. Тут главное — последовательность. Не добивайся в свое время Шушлебин освобождения Анны Никандровны от профработы, не так-то легко было бы подвести ее под сокращение. Членов цехкома и профкома можно сокращать только при согласии их руководителей. А руководители эти сочувственно относились к Анне Никандровне. Они были рыцарями, хотя и тихими, не воинствующими.

А почему бы им своевременно не заявить: «Кем угодно может быть данный гражданин, но только не секретарем партбюро»? Почему бы им не возмутиться: «Да он же вовсе и не заботится о Фирсовой, а мстит ей за письмо в редакцию, выживает ее из цеха!»?

г. Челябинск.

— Последнее время я на проходной работал.

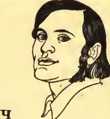
Рисунок *Б. САВКОВА.*

— А сына, когда провинится, он к себе на объект ругать вызывает. Здесь у него лучше получается!

Рисунок *Ю. УЗБЯКОВА*

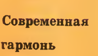

Петр КОЗИЧ

Люблю весну. Наверное, поэтому и родился весной 1950 года в небольшой живописной деревеньке на Витебщине. Весной 1971 года мои первые рисунки появились в печати, весной 1977 года получил приглашение напечататься в «Крокодиле». Были и успехи и неудачи, но с друзьями мне везло всегда: в Витебском лединституте, где я учился на художественно-графическом отделении, в журнале «Вожык», в газете «Труд», а теперь, надеюсь, в «Крокодиле»...

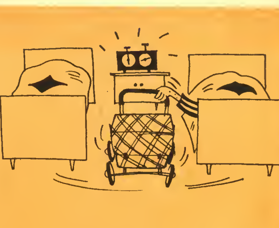
Семейные будни спортсмена

Современная гармонь

В. КАНАЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

Визит к белым медведям

Мне доводилось писать о толкачах. А теперь именно в этом качестве я прибыл на Глуховский ХБК.

— Что ж, готовы пойти вам навстречу, но прежде помогите нам,— сказал главный инженер комбината Д. И. Улитко.— Полюбуйтесь, в каких условиях мы работаем. Давайте заглянем на Ново-Ткацкую фабрику.

Вокруг фабрики цвели акации, а в цехах бушевала метель. Белые хлопья залепляли глаза, набивались в уши. Но в отличие от снежинок они не таяли.

— Это все отходы от низкокачественного хлопка, который поставляют нам хлопкоочистительные фабрики,— сообщил Дмитрий Иванович.— Поэтому-то в цехах белым-бело, как за Полярным кругом.

— Очень похоже,—отмахивался я от летящих в лицо хлопьев.—Только белых медведей не хватает.

— А вон и они,— кивнул головой Д. И. Улитко.

Сквозь пургу я увидел очертания диковинных зверей.

— Белыми медведями мы называем запорошенные хлопковыми очесами станки,— пояснил главный инженер и, подойдя к одному из них, смахнул пух. На станке завиднелась бурая от времени табличка:

Товарищество Добровыхъ
и Набгольцъ
Москва 1895 г.

— В позапрошлом году мы затеяли реконструкцию Ново-Ткацкой фабрики,— сказал главный инженер,— чтобы она, значит, оправдывала свое название. Допотопные и шумные станки «товарищества» решили заменить современными автоматами Климовского машиностроительного завода. И знаете, в цехах действительно стало значительно тише. Это оттого, что новые станки совсем не издают звуков — тут же ломаются.

Затем главный инженер извлек из станка деревянную рассохшуюся трубочку, похожую на веретено

— Ишь как покорежило шпулю,— покачал головой Дмитрий Иванович.— Так закаливают их на Петушинской шпуле-катушечной фабрике. И сами они ломаются и полотно рвут.

Тут я заметил странную картину: работница в белом халате усердно искала что-то в сугробе хлопковых очесов.

— Наверное, иголку ищет,—сказал главный инженер. — В прошлом году Тучковский игольный завод недопоставил нам более шести миллионов игл для гребнечесальных машин.

Я посмотрел на Дмитрия Ивановича и улыбнулся. За-

порошенный белыми хлопьями, он походил на снеговика.

— Эх, сколько хлопка зря пропадает! — заметил я.

— То есть как пропадает? — возразил Д. И. Улитко. — Из отходов мы ткем одеяла. Правда, перевыполнять план по их выпуску невыгодно. Ведь чем больше изготовим одеял, тем меньше произведем модных тканей типа «Нарцисс» и «Павлин».

— Меня интересует ткань офсетная высокопрочная, — вспомнил я о цели своего визита, когда мы вышли на улицу и стали чистить костюмы.

— А вы помогите нам выбить станки, тонковолокнистый хлопок, хорошие шпули и иглы, — сдувал с меня пушинки главный инженер. — Напишите фельетон о наших поставщиках.

— Но без вашей помощи нам не обойтись, — возразил я. — Мы ведь не сможем опубликовать материал без вашей ткани!

— Ладно, была не была, будем выпускать больше ТОВ за счет ткани «Павлин», — решительно сказал Д. И. Улитко. — Все равно из-за нехватки красителей этот «Павлин» стал получаться бледным, как альбинос. Поэтому, кстати, обязательно продерните в фельетоне химиков из Стерлитамака и Березников, которые недопоставляют нам красители...

Когда я возвращался домой, меня терзали сомнения: стоит ли писать о химиках? Ведь они же, хотя и сами того не ведая, помогли мне выполнить миссию толкача.

г. Ногинск, Московской области.

ВЫСОКИЕ ДОГОВАРИВАЮЩИЕСЯ СТОРОНЫ

Рисунок *Л. САМОЙЛОВА.*

крокодил помог

В Дагестанском обкоме КПСС

О ФЕЛЬЕТОНЕ Ю. БОРИНА «БУМЕРАНГ»

Речь в этом фельетоне («Крокодил» № 5) шла о серьезных хозяйственных недостатках и упущениях в совхозе «Мискинджинский».

Как сообщил редакции секретарь обкома КПСС тов. В. Одинцов, фельетон обсужден на бюро обкома партии. Критика признана справедливой. За недостатки в подборе кадров, бесхозяйственность и зажим критики директору совхоза т. С. Сардарову объявлен строгий партийный выговор. Он освобожден от обязанностей директора совхоза.

Первому секретарю Ахтынского райкома КПСС т. К. Каибергову за непринятие своевременных мер по фактам зажима критики со стороны бывшего директора совхоза «Мискинджинский» т. С. Сардарова поставлено на вид.

За недостатки в политико-воспитательной работе привлечены к партийной ответственности секретарь парткома совхоза «Мискинджинский» т. А. Асадов и председатель Мискинджинского исполкома сельского Совета т. Р. Шахбаиов.

«ЧЕГО НЕТ — ТОГО НЕТ»

Московское межобластное управление «Вторцветмет» неправильно установило Всесоюзному институту научной и технической информации Академии наук СССР план по сдаче лома и отходов цветных металлов. Об этом шла речь в одноименной заметке («Крокодил» № 6).

Зам. начальника «Союзвторцветмета» тов. Н. Коняшин сообщил редакции, что факты подтвердились. Решением Ленинградского райисполкома г. Москвы от 9 марта 1977 года план по сдаче отходов цветных металлов на 1977 год со Всесоюзного института научной и технической информации полностью снят. Уполномоченному «Вторцветмета» тов. Кудрявцевой Н., допустившей ошибку, указано.

Михаил РАСКАТОВ

Ханжа на пляже

Ханжа июльским пляжем шла,
А там — тела, тела, тела
Лежат на нежной травке...
Прискорбно сделалось Ханже:
«Кругом сплошное неглиже!
Кругом сплошные плавки!
Да я б отсюда их метлой!
По мне такое — с глаз долой!
И как же им не стыдно!»
От возмущения дрожа,
Не закрывала глаз Ханжа...
Пока ей было видно.

●

Мыкола ДМИТРИЕВ

Вот так дед!

В загс явилась чудо-пара:
Дед Мефодий и Тамара.
И взмолилась дева слезно:
— Попрошу, пока не поздно
(Ждать не можем мы никак),
Поскорей оформить брак.
Но суров ответа тон:
— Месяц ждать. Таков закон!
— Что! — глухой дидусь спросил.
И воскликнула Тамара:
— Ну, за что нам божья кара!
Столько ждать не хватит сил!
Если будем месяц ждать,
Милый может дуба дать
И тогда конец мечте!
(Даче, «Волге» и те де).
— Зря печалитесь. Ваш дед
Проживет еще сто лет!
Ваш Мефодий и до вас
Побывал у нас не раз.
И трех жен во цвете лет
Он спровадил на тот свет.
Вы четвертая.
Так вот,
Как дедуся ваш живет:
Рай — себе, вам ад создаст.
Кто ж тут «раньше дуба даст»!

Перевел с украинского Михаил ВОЛОВИК.

●

Михаил ПЛЯЦКОВСКИЙ

Не обижайте преданных дворняг!

Кто-то придумал теорию, согласно которой люди после смерти продолжают жить в облике различных животных...

Чем черт не шутит!
Вдруг на самом деле,
Когда умру — я вовсе не умру!
А вдруг и впрямь,
оставшись в бренном теле,
Я превращусь в кого-то поутру!
В кого!
В котенка!
В петуха!
В теленка!
О, неизвестность!
Ты гнетешь слегка.
Желаю одного определенно:
Обличье взять дворового щенка!
Вы скажете: «Капризы неуместны!
Еще он выбирает! Как же так!!»
Мне все равно.
Но говорю вам честно,
Что обожаю с детства я дворняг.
Ну, что могу поделать я с собою!
Поймите, разве сам себе я враг!
Друзья!
Не стану я овчаркой злою —
Не обижайте преданных дворняг!

ВОКРУГ СВЕТА И ТЬМЫ

Крокодильская международная газета

Медицина

Поздравление «отпущенному»

Группа ведущих американских психиатров подметила интересную особенность: когда у знакомых умирает глава семьи или у соседей угоняют машину, американцы за словом в карман не лезут. У всех на языке готовые стандартные утешения типа: «Ах, какое несчастье! Ему бы жить да жить! Крепитесь, милочка Мэри!» или соответственно: «Вот мерзавцы! Утешайтесь, старина, по крайней мере тем, что весь месяц, пока полиция будет искать ваш «Шеви», вы порядком сэкономите на бензине». Но почему-то в другом случае, говорят психиатры, когда перед нами человек, потерявший работу, «все мы немного растеряны и не знаем, что делать, как утешить пострадавшего».

К счастью, врачи на то и врачи, чтобы давать целительные советы. Психиатры считают, что работники отделов кадров фирм и корпораций должны научиться увольнять людей так, чтобы «у безработных не возникало горького чувства неполноценности и ненужности обществу».

К сожалению, в докладе психиатров не приводятся образцы таких утешительных словесных формулировок. Очевидно, примерный текст должен быть таков:

— Дорогой друг! Фирма в восторге от вашей деятельности. Сам мистер Сэмюэль Пепкинс, президент совета директоров, просил передать вам его восхищение вашими талантами. Но именно поэтому с нашей стороны было бы вопиющим эгоизмом по отношению к обществу лишать остальные фирмы возможности использовать ваш талант и мастерство. Мы не увольняем вас, о нет, смешно даже предположить такое! Мы, обливаясь слезами, отпускаем вас и отдаем всем штатам сразу!

Если американские кадровики послушаются совета психиатров, то этот утешительный текст им надо будет произносить в микрофон, стоя за толстым непробиваемым стеклом. На всякий случай...

Фантастика

Уфолог против уфолога

Кто такой уфолог? Это знаток и исследователь «неопознанных летающих объектов» (от английского сокращения UFO).

Два видных западногерманских уфолога, Аугуст Вернер и Карл Л. Вайт, до недавнего времени были друзьями. Свято веря в реальность «летающих тарелок», они с великой страстью предавались совместным исследованиям, пока между ними не возник спор о том, кто же такие эти зеленые человечки и зачем они тут у нас летают.

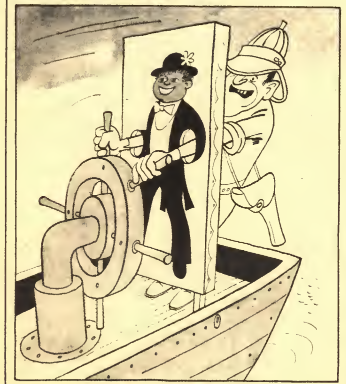
Вайт — оптимист, он считает, что это пришельцы с других планет с более высокой цивилизацией, что они друзья и защитники всего человечества и поэтому особо пристально следят за теми, кто бряцает атомным оружием.

Вернер же, напротив, пессимист и совершенно уверен в том, что «зеленые» — злейшие враги землян и выныривают они в своих «летающих тарелках» из земных недр в тибетских Гималаях. Ядерная война им только на руку — воспользуются хаосом и захватят власть над всем миром. Несомненно, что их орудием был Адольф Гитлер, ибо он, по утверждению авторов книги «Прорыв в третье тысячелетие» Луи Павеля и Жака Бержье, верил в существование подземного гималайского города Шамбаллах, из которого излучаются «магические силы, управляющие человечеством».

А поскольку Вайт продолжал защищать пришельцев и выдавать их за друзей человечества, Вернер пришел к единственно разумному выводу: стало быть, Вайт платный агент и занимается шпионажем в их пользу. О чем Вернер и накатал заявление на бывшего друга в суд города Франкфурта-на-Майне.

И возникло судебное дело за № 479376. И перед западногерманским правосудием встал нелегкий вопрос: является ли гражданин Карл Л. Вайт из Висбадена изменником планеты Земля и виновен ли он в шпионаже в пользу иной цивилизации?

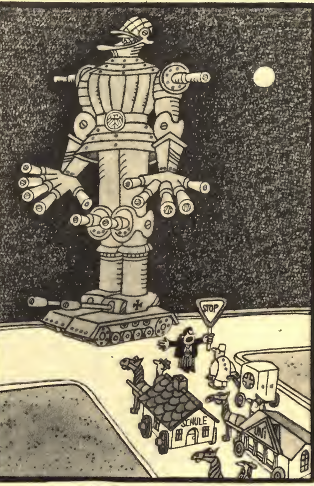
Пытаясь обмануть мировое общественное мнение и отвести от себя гнев коренных африканцев, расистское правительство ЮАР создало так называемое «независимое государство» Транскей, полностью зависимое от властей ЮАР.

«САМОУПРАВЛЯЕМЫЙ» ТРАНСКЕЙ.

Рисунок Б. ВОРОБЬЕВА

НА ДОРОГАХ ФРГ

Не мешайте движению!

Рисунок Луиса РАУВОЛЬФА (ГДР).

В мире искусств

Еще один последний день Помпеи?

Итальянский город Помпеи видел, кажется, все — взлеты и падения империй, нашествия захватчиков и даже извержение вулкана Везувий (каковое весьма красочно изобразил художник Карл Брюллов в известной картине «Последний день Помпеи»). Но того, что произошло в конце января этого года, Помпеи наверняка еще не видывали.

К величественным руинам древнего города — кстати, к ним приставлены государством пятнадцать охранников — подъехал грузовик. Некие шустрые молодцы привезли с собою на грузовике электрофрезу и лебедку. В одном античном дворце они вырубили 12 фресок, из другого дома уволокли целую расписанную стену. Погрузив на автомобиль еще несколько статуй, они скрылись — охранникам не удалось задержать вóров (!).

Подсчитано, что из Италии ежегодно похищают около десяти тысяч произведений искусства и реликвий. Краденые сокровища переправляют контрабандой преимущественно в США, Японию, ФРГ.

И вот где-нибудь в Техасе богач-скотопромышленник демонстрирует гостям новое украшение своей виллы — древнеримскую статую. При этом он чувствует себя тонким, интеллигентным ценителем прекрасного, тогда как на самом деле он вульгарный скупщик краденого, соучастник преступления, попросту уголовник.

О tempora, о mores! — как говаривали римляне в те времена, когда город Помпеи был еще цел.

Павел НИЛИН

Известно, что Павел Нилин написал много художественных произведений, так сказать, крупного плана, таких, например, как роман «Жестокость». Они вполне серьезны, но улыбка — частый гость на их страницах.

Мы попросили Павла Филипповича дать что-нибудь для «Крокодила», и он предложил вот этот рассказ «Папа».

Доброго пути Павлу Нилину в новом жанре!

Папа

Рассказ

Вы же сами прекрасно видите, что я из себя представляю. Я уже женщина, одним словом, пожилая, нервная. И вдруг Федька мне звонит по телефону. И так прямо:

— Слушай, Настя, какая у нас новость — папа-то наш вроде кончается.

А я была как раз у себя на работе. Прямо вот так стояла у плиты, когда меня позвали к телефону.

— Как, то есть, кончается? — спрашиваю. А сама, конечно, вся обмерла. Все-таки, как ни говорите, отец.

А Федька мне отвечает по этому же телефону:

— Ну не знаешь разве, как люди кончаются? При последних, одним словом, минутах наш папа... Я уже, говорит, свез его в больницу. На такси...

— Боже мой, боже мой! — плачу я.— Скажи мне скорее, хоть в какую больницу-то ты его свез?

И тут же спрашиваю нашего заведующего:

— Вот так, мол, и так. Не разрешите ли мне покинуть работу хотя бы часа на два ввиду такого непредвиденного случая?

А он очень внимательный мужчина, наш заведующий. Замолчал, заморгал вот так своими глазами от волнения, что ли, и говорит:

— В чем дело? Конечно, бросайте работу, раз такие обстоятельства. Пусть Бедряева вас заменит. Тем более, первое уже готово, а вторые блюда мы тут сами как-нибудь доведем.

И я сейчас же живой ногой — в больницу. Прибегаю, спрашиваю, где у вас такой-то больной — Васильев Егор Трофимович? Недавно привезли...

— Пожалуйста,— говорят,— проходите. Во второй палате. Только халатик придется накинуть.

И тут же подают мне халат — грязный-прегрязный. Но я уже ничего не рассматриваю, прохожу в палату.

И что же я вижу? Я вижу: лежит мой батюшка Егор Трофимович, закинув вот так голову на подушке и прямо-таки стеклянными глазами смотрит в потолок. Не мигая.

— Боже мой, боже мой,— плачу я,— папенька вы наш дорогой! — и хочу его обнять, протягиваю к нему руки.

А он вот этак слабенько отталкивает меня и говорит:

— Погоди, дура. Не реви. Тут не мы одни. Тут еще другие находятся больные. Сядь.

Я сажусь и оглядываюсь. И вижу, что да, здесь в палате еще есть больные. И довольно-таки много больных. Одни спят, а другие, напротив, стонут. Или смотрят с удивлением на меня, как я на них.

— Сядь,— повторяет мне со строгостью папаша, хотя я уже села. И сам привстает с трудом и кряхтением. Надевает самостоятельно очки и достает изпод подушки вроде как папку с бумагами.— Пиши,— приказывает. — Пиши вот на чистом листе,—и сует мне в руку химический карандаш, хорошо очиненный.

Я, понятно, без звука раскладываю тут же на тумбочке белый лист бумаги и жду, что он велит мне писать.

— Пиши посередке одно слово — «Завещание». Не торопись. Написала? Теперь с красной строки. «Завещаю по случаю моей смерти дочери моей Васильевой Анастасии Егоровне триста рублей деньгами, кои лежат на моей сберегательной книжке»...

Обратите внимание: он меня называет не Соколовой, а по-старому, как девушку, — Васильевой. Ну, я, конечно, по этому понимаю, что он уже тронулся в своем уме. Одним словом, забыл, что я уже чуть не тридцать лет живу под мужниной фамилией. Но я его не перебиваю. Жду, чего он велит еще писать. И, кроме того, удивляюсь, откуда у него на книжке такие деньги, если я точно знаю, что Лиза, Федькина жена, сама за него получала всю его пенсию и вкладывала ее в общие их семейные харчи? Но я помалкиваю. А он диктует дальше:

— «Холодные сапоги и всю свою одежду, а также зимнее пальто завещаю сыну моему — Васильеву Федору Егоровичу и жене его Елизавете. Им же и внукам Ивану, Федору, Георгию, Олегу, Всеволоду, Эдмунду и внучке Клавдии Федоровне отписываю весь столярный инструмент и все, что от меня остается...»

Пишу я это, а сама заливаюсь слезами. Но все-таки пишу, хотя слезы капают уже прямо на бумагу.

Написала. Он велел мне это перечитать ему вслух. Потом сказал:

— Вот так. Бумагу эту пока никому не показывай. Покажешь после моей смерти. А пока иди. Устал я.

Вышла я в коридор и опять-таки заливаюсь слезами. И тут же вижу сквозь слезы — Федька сидит на скамеечке. Вытирает лысину носовым платком и сморкается. Ждет приема у дежурного врача.

Потом выходит врач.

— Ну что же я могу вам сказать? — говорит врач.— Больной, то есть ваш папаша, уже в хорошем возрасте. Восемьдесят шесть лет — это, конечно, уже не тридцать шесть. Можно всего ожидать. Так что я не буду вас сильно успокаивать. Одним словом, поглядим, увидим. Но вы будьте готовы ко всему...

Я спрашиваю:

— Доктор, скажите, пожалуйста, а что ему в случае чего можно принесть покушать? Тем более, я сама повар и могу, что угодно, принести...

— Приносите, что можете,— говорит доктор.— У нас возражений нету.

— Курочку ему можно? — спрашиваю.

— Пожалуйста,— говорит доктор.

И я прямо из больницы — в «Гастроном». Беру курочку, яблоки, даже бананы, они как раз тогда были. И опять мчусь к себе в столовую.

— Вот так и так,— говорю нашему заведующему.— Разрешите я здесь для скорости приготовлю курочку умирающему отцу.

— Да что вы спрашиваете,— отвечает заведующий,— готовьте без разговоров все, что нужно. И даже можете прихватить кое-что из наших продуктов. Какие могут быть сейчас счеты, поскольку у вас такое несчастье...

Приготовила я эту курицу и обратно — в больницу. Но меня уже не пускают в палату, говорят, больной только что заснул.

— Как, то есть, заснул? — волнуюсь я.— Может быть, это только для отводу глаз говорят — заснул, а понимать надо по-другому, что он никогда не проснется.

Но мне тут же подтверждают, что он вот именно и действительно заснул. И предлагают оставить передачу, то есть курицу, яблоки, бананы и еще я хорошо прихватила жареной картошечки на чистом сливочном масле.

— Не беспокойтесь,— говорят.— Здесь больница. Ничего из продуктов не пропадет, и все в точности будет вручено больному, когда он проснется.

Верите ли, нет, я после этого всю ночь не спала. У меня муж в позапрошлом году умер от сердечного удара, короче говоря, инфаркта, но я так не горевала, как по отцу. Все он вспоминался мне такой, каким он был, когда я маленькой была, как он меня на руках держал и в самое ухо песенку мне пел и щекотал мою щеку жесткими своими усами.

Ну ладно, проснулась я утром и сразу звоню в больницу. Как, мол, там у вас больной Васильев Егор Трофимович из второй палаты провел ночь? Отвечают:

— Хорошо. Чувствует себя бодро. Температура тридцать шесть и шесть. То есть точно такая, какая положена человеку в норме.

— А передачу передали? — спрашиваю.

— Еще вчера,— отвечают.— И он хорошо покушал. Все съел.

«Неужели,— думаю,— все съел?» И не верю. Деликатно спрашиваю:

— И курочку съел и картошечку?

— Все, все съел, буквально,— отвечают. И в трубку слышу, что там смеются. Не открыто, но так втихомолку смеются.

«Ну,— думаю,— воры. Сами сожрали и сваливают на больного. Мыслимое ли дело, чтобы старичок восьмидесяти шести лет мог за один присест или хотя бы за два присеста скушать такую курицу огромную, хорошо откормленную, импортную, бульон из-под нее и тарелки две, наверно, жареной картошки. Конечно, это, думаю, ложь и прикрытие воровства. Недаром они мордастые такие там сиделки. Им, наверно, не впервые сжирать все, что положено больным».

Сержусь я ужасно при этих мыслях. Однако по дороге на работу захожу на базар и покупаю — ну что бы вы думали? — икры красной кетовой, она тоже тогда была, рыбы свежей и печенки килограмм. И сама при этом думаю: «Ну интересно, как совесть позволит сиделкам говорить теперь, что и это все больной съел сам? Пусть они хотя бы часть уделят ему из этих дорогих продуктов».

Тем же порядком готовлю все это у себя в столовой и опять отношу в больницу.

На этот раз меня пропустили прямо в палату. И что же я, представьте себе, вижу? Папаша наш, только что, должно быть, умытый и причесанный, по его, наверно, просьбе, лежит, будто приготовленный к гробовой доске. Я тихонько окликаю его. Но он не сразу поворачивает ко мне голову, а как бы все еще прислушивается к чему-то. «Может быть,— думаю,— к голосу он прислушивается к какому, который подается ему уже с того света». Ну ладно, сажусь я около него и спрашиваю, понятно, как здоровье. А он мне вместо ответа говорит:

— Я прошлый раз, Настя, по ошибке отписал тебе все деньги. Надо бы Федору хоть сотню отписать. У него с Лизкой дети. Что-то я промазал, погорячился. А ведь я у Федора живу. И он вчера мне курицу передал и картошки жареной, наверно, полведра. Я наелся как на Первое мая или же на Новый год.

Тут меня уже зло взяло.

— А может быть,— говорю я,— Федор сам и завещание перепишет. У него почерк лучше, чем у меня. Он счетным работником служит...

— Ты не обижайся, Настя,— говорит отец.— У Федора же дети. А ты одна, как перст. И на хорошей работе. Я даже не понимаю, как это я сдуру тебе такие деньги отписал.

— Да не надо мне, папаша, никаких денег,— говорю я.— Лишь бы вы были в добром здоровье. Поправляйтесь. Я вот опять вам рыбки жареной принесла, икорки, печеночки и картошечков жареных. И курицу опять могу принести.

— Ты говоришь — «опять»,— обратил внимание папаша.— Ты разве мне уже приносила рыбки?

— Нет,— говорю,— я вам курочку вчера приносила и картошечков. Очень рада, если вы их скушали. И яблочки. И бананы кушайте. Я гляжу, вон они на подоконнике лежат нетронутые.

— Погоди, погоди,—вдруг заторопился отец.—Так это ты, что ли, мне курицу-то вчера передала? Вон что. А я думал, что это Федька. Так вот что. Пусть тогда остается все как было в завещании. А это, значит, рыба?

И я удивилась ужасно, что он сию же минуту дрожащими своими руками стал разворачивать промасленную бумагу в моей кошелке и вынимать оттуда рыбу.

— Да я тарелочку вам сейчас принесу, папаша,— сказала я.— И вилку здесь можно попросить.

Но он уже не слушал меня. Ел и ел рыбу прямо руками. Потом также достал печенку. И печенку съел у меня на глазах. А икорку-то, которую я купила ему для развития аппетита, он раскупорить сразу не смог. Она же в баночке уложена.

— Так это, значит, курицу-то ты мне вчера принесла,— опять сказал он, когда все съел и отдышался.— Вон, значит, что. А я-то думал — Федька. И он меня еще спрашивал, хорошо ли покушал я? Вон, значит, что. Тогда пусть завещание остается, как было...

Через три дня папашу выписали из больницы. И он, слава богу, уже второй год после этого живет. Но уже не у Федора, а у меня. Ну и что ж, пусть живет. Все-таки отец. И он хорошую пенсию получает. Почти что шестьдесят рублей. А Елизавета с этим не считалась. Жадная кукушка. Пусть теперь потужит. А папаша наш для дома, где семья, прямо золотой мужчина. Он и обувку, если надо, не спеша, перечинит, и посуду перемоет, и за детьми приглядит. Да худо ли — живой человек в доме?!

ВИЛЫ В БОК!

Дорогой Крокодил!

Если ты с уважением относишься к электричеству и пользуешься его благами, то помоги, пожалуйста, нам, электрикам Каневского района хлеборобной Кубани. Туговато нам приходится выполнять работы в колхозах и на предприятиях района. Ну а поступить на работу — так просто невозможно. Стоит только с таким вопросом обратиться к местному кадровику, как он тут же вытаскивает на стол набор медных и алюминиевых проводов. Один из них предлагается претенденту. Сможет тот его перекусить зубами — примут, а не сможет,— кадровик говорит:

— Как же ты, мил человек, собираешься работать, если плоскогубцев и отверток электрических ни у тебя, ни у нас нет! Наши парни навострились перекусывать провода зубами, а винтики-болтики откручивать и закручивать ногтями...

И это правда, потому что вот уже три года как исчезли с прилавков магазинов района и плоскогубцы и отвертки.

Мы люди не гордые и согласны на такой компромисс: если труженики торговли не в силах снабдить нас плоскогубцами, то пусть они за свой счет хотя бы вставят нам стальные коронки.

От группы электриков
СУЩЕВ Михаил Петрович.

Припарковались...

«Стоянка» по-английски именуется «паркинг», отсюда и пошло у автомобилистов выражение «припарковаться».

Работники линейно-эксплуатационного управления Центрального района Новосибирска поняли это слово буквально. Они для своих бульдозеров, грейдеров, самосвалов, поливомоечных и других машин избрали стоянку при входе и вдоль ограды Центрального парка нашего города.

Оно было бы ничего, можно сказать, даже полезно (посетители имеют возможность обозреть почти все виды дорожной техники), кабы не одно зловредное обстоятельство: вся эта техника круглые сутки на ходу, снует туда-сюда, да и в неподвижности находится с включенными двигателями. А любимый в прошлом горожанами парк оделся в траур — зимою черен от гари снег, а летом — трава. От шума же моторов звенит в ушах.

Руководство городской санэпидстанции не только слышит звон, но и знает, откуда он. Еще года три назад оно дало указание упразднить припарковый машинный табор. А настойчивости не проявило.

Линейное же управление по-прежнему гнет свою лингвистическую линию — так и не изменило своему толкованию словечка «припарковаться».

Г. КОТЛЯРЕВСКИЙ.

г. Новосибирск.

Дорожная арифметика

Товарищ Мухин В. А. 12 января сего года сел на автостанции поселка Раздольное в «Икарус», чтобы ехать в Евпаторию. Товарищ Мухин, как и остальные пассажиры, уплатил шоферу 1 рубль 64 копейки. Но, как и остальные пассажиры, билета при этом не получил. Хотя и просил.

Поэтому всю дорогу товарищ Мухин невольно занимался арифметикой. Вот что он высчитывал, едучи без билета.

Мест в автобусе — 40. 40 он умножил на 1 рубль 64 копейки. Вернее, наоборот. У него получилось 65 рублей с копейками. Потом он умножил 65 рублей с копейками на обратный путь. Вернее, прибавил обратный путь. Словом, получил 130 рублей с копейками. После полученной суммы товарищ Мухин так увлекся, что копейками заниматься уже перестал, а ловил счет только рублям.

И когда автобус прибыл в город Евпаторию, наш пассажир успел мысленно съездить из Раздольного в Евпаторию и обратно десять раз. И, выходя, он шептал:

— Одна тысяча триста... Одна тысяча триста... А если шуровать без выходных!..

И у товарища Мухина голова пошла кругом. Но номер автобуса он все-таки записать сумел. Вот он: 00-22 ДНФ. Рейс «Днепродзержинск — Евпатория».

Вот только жаль, водитель автобуса оказался человеком нетщеславным и фамилию свою сообщать не стал.

Но мы надеемся, что товарищи, ответственные по части междугородных автобусов, смогут эту фамилию узнать. А заодно сообщат, как они вообще относятся ко всей этой арифметике.

А. П.

Чемодан на орбите

По данным наземных станций слежения, этот странный предмет, имеющий форму чемодана, передвигался по ограниченной орбите несколько месяцев.

С помощью оптических средств и протоколов дознания было установлено и содержимое летательного аппарата: спортивный костюм модного покроя, новая электробритва, одеяло пляжное, платье из дорогой ткани, кримпленовая юбка, гипюровая кофта, купальник импортный, два купальника отечественные и кое-что по мелочи.

Выяснилось, что еще 1 июня истекшего года супруги Христосовы, проживающие в Харькове, выбыли из аэропорта родного города рейсом 7051 на отдых в турбазу «Зеленый мыс» близ Батуми.

При выходе из самолета они обнаружили, что их новенький чемодан с содержимым на сумму 400 рублей был обменен кем-то на такой же по цвету, но старый и дырявый, с содержимым на сумму 00 копеек.

Огорченные супруги сразу же обратились в отдел перевозок аэропорта Батуми, где и был составлен акт о неравноценной замене.

Купаться и загорать супруги уже не могли. Не в чем было. Зато сколько угодно дышали морским воздухом и любовались субтропиками. Особенно из окна электрички или автобуса по пути с Зеленого мыса в Батуми, куда они неоднократно приезжали справиться о судьбе чемодана. Больше всего в аэропорту были рады, когда отпуск истек.

— Теперь вы сможете спокойно искать свои вещички в Харькове, где начинался рейс.

Прилетели Христосовы домой.

— Найдем! — решительно ответили супругам в Харьковском аэропорту.— Ждите весточки.

И весточка пришла. От нее веяло сочувствием. Мол, претензии ваши справедливы, поэтому заявление о пропавшем чемодане направлено на рассмотрение в аэропорт Батуми.

Потом бумаги пошли косяком, как хамса в путину: из отделов перевозок обоих аэропортов, Управления гражданской авиации Грузии, Министерства гражданской авиации СССР...

Наконец, в один прекрасный день чемодан был обнаружен у некоего гражданина Бибинашвили в городе Махарадзе и по воздуху отправлен в Харьков, о чем Христосовы были уведомлены отлично исполненной художественной открыткой с пятью красными розами.

Находка была торжественно встречена в аэропорту в присутствии должностных лиц.

— О ужас! — воскликнули супруги Христосовы.

— И в самом деле ужас: чемодан взломан, ценные вещи похищены, менее ценные изодраны и перепачканы.

Им ничего не оставалось, как перевязать чемодан веревками и отправить его знакомой воздушной трассой обратно батумским авиаторам.

Так чемодан снова вышел на орбиту...

Г. ОСИПОВ.

— А вы со своими взятками идите к свиньям!

Рисунок *Ю. АНДРЕЕВА*.

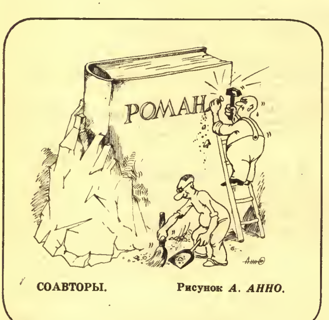
Рисунок *Е. ВЕДЕРНИКОВА.*

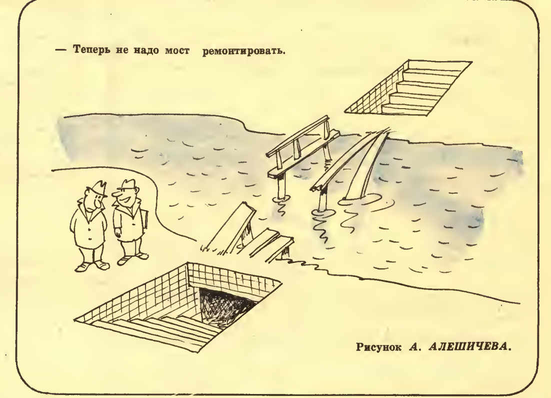
Рисунок *В. ВЛАДОВА.*

Рисунок *А. АЛЕШИЧЕВА.*

СОАВТОРЫ. Рисунок *А. АННО.*

— Теперь не надо мост ремонтировать.

Рисунок *А. АЛЕШИЧЕВА.*

Рисунок *Н. КАПУСТЫ* (г. Донецк).

Рисунок *Б. ГАЗАНЧЯНА.*

Что бы это значило?

МРАКОБЕСИЕ

Реакция жильцов на отключение электроэнергии.

М. Золотухина, г. Воронеж.

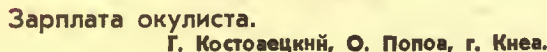
БОЙ-БАБА

Контролер ОТК на фарфоровом заводе.

С. Челнинцева, г. Уфа.

ОЧНАЯ СТАВКА

Зарплата окулиста.

Г. Костовецкий, О. Попов, г. Киев.

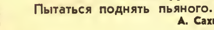

ВЛИП В ИСТОРИЮ

Цветок, засушенный между страницами учебника истории.

В. Вейс, г. Чарджоу.

ВАЛЯТЬ ДУРАКА

Пытаться поднять пьяного.

А. Сахно, г. Ленинград.

нарочно НЕ придумаешь

«К выступлению не готовился, поэтому буду говорить о том, что на сердце».

(Из выступления).

Прислал М. Голуб, г. Запорожье.

«Наталья Федоровна с юных лет стремилась быть человеком. И сейчас стоит на том же пути».

(Из стенгазеты).

Прислал Н. Коваленко, г. Москва.

ВОДКА

40° 0,5л Креп. Емк.

Цена 3р. 10 к. без стоимости посуды

ВНУТРЕННЕЕ

МИКСТУРА ОТ КАШЛЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Настоя травы термопсиса	6,0—200,0
Натрия гидрокарбоната	4,0
Натрия бензоата	4,0
Капель нашатырно-анисовых	4,0
Сиропа солодкового корня	20,0

По 1 ст. ложке 3 раза в день.

Перед употреблением взбалтывать.

БЕРЕЧЬ ОТ ДЕТЕЙ!

Прислал Г. Шейгам, г. Тула.

«При контрольной проверке 2 октября был установлен недовес, который я жарил. Почему был недовес, я не знаю, жарил от всей души, как положено».

(Из объяснительной повара).

Прислала Л. Оганесова, г. Краснодар.

«Ввести ежемесячный отчет по качеству начальников смен и технологов на цеховой планерке».

(Из плана мероприятий).

Прислала Н. Сабодышина, г. Красноярск.

«В ближайшее время посетить городской музей и вынести из него все самое полезное, самое интересное».

(Из плана мероприятий).

Прислал Н. Белоног, г. Первомайск.

«Дёмину А. М.

10-го марта 1977 года в 16.00 часов в кабинете № 14 в отделе кадров состоится собрание. Подобрать 5 пьяниц и привести в 14 кабинет».

(Из распоряжения).

Прислал Л. Иванов, г. Волгоград.

«Принять временно т. Исаеву Н. Н. дворником в детский садясли с 27 сентября 1976 года на период отпуска т. Спасковой В. И. с оплатой 33% ставки дворника и совмещения 50% ставки музыкального работника».

(Из приказа).

Прислала Т. Прохорова, Калининская область.

Альфред САЛАМОН (ГДР)

Необычный день

Началось все с того, что вахтер, всегда долго и недоверчиво изучавший мой пропуск, в то утро только добродушно отмахнулся, когда я протянул ему свой документ.

— Ну что вы,— сказал он, так и светясь улыбкой,— ведь мы не первый год знакомы...

Едва я переступил порог нашего бюро, как все разом умолкли. Фройляйн Фасбиндер коршуном метнулась к своей машинке и принялась старательно барабанить. Хильда, которая обычно в это время сосредоточенно занималась своими ногтями, с бешеной скоростью листала какие-то бумажки. Даже Пилявски, целыми днями рассказывающий скабрезные анекдоты, с самым серьезным видом расстилал на столе бланк отчета.

— Что случилось, друзья? — изумился я, но никто мне не ответил. Наоборот, все принялись с еще большим остервенением демонстрировать свой трудовой порыв.

Перед обеденным перерывом я услышал, как две наши сотрудницы перешептывались, поглядывая в мою сторону:

— Делает вид, что не знает...

— А сам, наверное, радуется, что начальником отдела назначают...

— А точно?

— Хильда всегда все знает...

Не помню, как я добрался домой. Лоб мой пылал, а голове роились тысячи планов. Значит, это правда. Нет, что ни говори, а все-таки умеют у нас оценить способности и характер, особенно когда они настоящие. Прежде всего, конечно, нужно будет навести в бюро порядок. Хватит этой распущенности. Просто непонятно, где этих людей воспитывали, откуда эта лень и расхлябанность. Целыми днями рассказывать анекдоты и делать себе маникюр — просто поразительно! Ничего, ничего, они у меня быстренько перемениятся. А кто не захочет работать — милости просим, не задерживаем...

Утром еще за квартал до нашего учреждения я замедлил шаг. Нечего носиться, как мальчишка, нужно быть посолиднее. Я улыбнулся было вахтеру, но он почему-то буркнул:

— Пропуск предъявляйте в развернутом виде, некогда мне тут с каждым...

Ничего не понимая, я вошел в бюро. Фройляйн Фасбиндер полулежала в кресле, слушая не слишком приличный анекдот, который рассказывал с воодушевлением Пилявски. Хильда на мгновение оторвалась от свитера, который она уже полгода вязала мужу, и сказала мне:

— А знаешь, Карл, тут прошел слух, что тебя назначают начальником отдела, но это была ошибка. Прости, что мы заподозрили в тебе карьериста...

В полдень нас вызвал новый шеф. Никакой расхлябанности, порядок, дисциплина, добросовестность — таков вкратце был смысл его тронной речи.

Обедали мы опять все за одним столом.

— Ишь ты, как он задирает нос,— сказал я.— Никакой расхлябанности — ишь ты! Новая метла, видели мы таких! Ничего, через денек-другой начнет понимать, как мы перегружены...

Мои коллеги понимающе кивали.

Перевел М. ЗАК.

Слова, слова...

Если бы каждого дурака поставить на свое место, сколько хороших мест сразу освободилось бы!

Алессандро Жуччини, итальянский юморист.

Время, конечно, лучший лекарь, но оно же в конце концов и убивает.

К. Колье, французский журналист.

Нельзя судить о человеке по его друзьям. Не надо забывать, что у Иуды друзья были безукоризненны.

Э. Хемингуэй, американский писатель.

Остерегайтесь убийства: оно часто ведет к воровству, а последнее приводит к скрытности.

Ж. Кокто, французский писатель.

В жизни надо выбирать между накоплением денег и их тратой: на совмещение этих двух занятий времени обычно не остается.

Эд. Бурдэ, французский писатель.

«Лудаш Мати», Венгрия.

«Пуркуа па?», Бельгия.

Дьердь МИКЕШ (Венгрия)

Операция «Альфа»

1

— Привет, что это ты тут делаешь? — спросил я Ковача, который стоял возле ворот учреждения и явно кого-то высматривал.

— Да тут нужно одного типа ограбить,— лениво протянул Ковач.

Я чуть не подпрыгнул от удивления. Я знаю Ковача вот уже лет сорок, всю жизнь он был вполне благопристойным человеком, хорошим семьянином, главным бухгалтером, вышел год тому назад на пенсию — и на тебе! Превратился человек в грабителя...

— Т-т-ты гр-р-рабитель? — едва смог я пролепетать.

— Не просто грабитель,— не без гордости, как мне показалось, сказал Ковач,— я даже главарь шайки. Все члены шайки — пенсионеры. Самому младшему у нас шестьдесят два, самому старшему на днях исполнилось восемьдесят четыре. Работаем мы исключительно по заказам... Тш-ш, вон он идет.

— Кто?

— Тот, кого мы должны ограбить.

Из ворот учреждения на улицу вышел мужчина в черной шляпе с портфелем в руке.

2

— Заказ мы получили от вдовы Леопольди, которую этот тип в черной шляпе дважды напрасно прогонял по какому-то пустяковому делу и оба раза держал старушку по три часа в приемной. Наша задача заключается в том, чтобы получить у волокитчика, кстати, его зовут Зебегень Фланц, обратно эти шесть часов. Вот этой операцией мы сейчас и занимаемся. Нам стало известно, что сегодня Фланц спешит к одной своей приятельнице, с которой он собрался в кино...

В этот момент к нам быстро подошла старушка с хозяйственной сумкой в руке и взволнованно прошептала:

— Операция «Альфа» началась! Сверим часы, сейчас семнадцать часов три минуты!

— Одна из лучших наших оперативниц,— шепнул мне Ковач.

3

Мы увидели, как невысокий толстенький старичок буквально прижал животиком Фланца к стене и, оживленно жестикулируя, что-то говорил ему.

— Дядюшка Шомош,— прокомментировал Ковач,— учитель истории на пенсии. Он разговаривает сейчас с Фланцем об англо-бурской войне. Он может говорить о ней часами, если нужно. Если не нужно,— тем более.

Жертва нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, выразительно поглядывая на часы, но специалист по англо-бурской войне был неумолим. Наконец Фланц сделал отчаянное усилие, вырвался из ловушки и помчался по улице, но тут же попал в объятия высокой пожилой дамы с зонтиком.

— Тоже наш человек,— гордо сказал мне Ковач,— у нее стальная хватка. По плану она должна сейчас жаловаться ему на артрит и современную молодежь. Ровно двадцать две минуты.

— Но почему он не уйдет?

— Посмотри, как она его держит за руку. Я же тебе сказал, что у нее стальная хватка. Изумительно работает на улице, в толпе...

4

Ковач посмотрел на часы.

— Внимание! Через пятнадцать секунд появится Элеонора Сеппатаки, работает — диво!

Через улицу к Фланцу бросилась худенькая старушка. По лицу ее струились слезы.

— Сынок мой! — кричала она душераздирающим голосом, повиснув на шее у Фланца.

— Простите, мадам,— пробормотал испуганно Фланц,— но я, право же, первый раз вижу вас...

Вокруг собиралась толпа.

— Сын, называется...

— Известное дело, содержать старушку не хочется, вот и скрывается...

— «Мадам»! Вот бесстыжие глаза!..

— Бывшая актриса,— прошептал мне на ухо Ковач.

5

Мы стояли и смотрели, как потный Фланц метался с букетиком цветов под часами.

— Его дама ушла сорок минут назад,— сказал Ковач, делая отметку в блокнотике.— Всего мы задержали его на два часа тридцать две минуты. Мы должны отнять у него еще три часа двадцать восемь минут. Сам видишь: работаем, как часы!

Перевел Е. ТУМАРКИНА

улыбки разных широт

— Наконец-то мы рассчитались с долгами, Агнес!
— Отлично! Побегу по магазинам!

«Ди виртшаф», Австрия.

«Дикобраз», Чехословакия.

●

— Кто аам советоаал принимать касторку протиа кашля! — спросил удивленный врвч.

— Мой приятель. Он сказал, чтобы я выпил две ложки касторки, и тогда я забуду, что кашляю.

●

Нв пляже.

— Ты что, ходишь купаться а рабочее время!

— Я здесь по служебным делам.

— По каким же!

— Подбираю новую секретаршу.

●

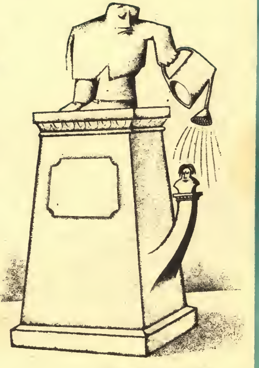
Щуплый невысокий ковбой эвходит в бар. Нв его пути стоит другой — огромный, мощный детина.

— Хочешь по физиономии! — спрашивает маленький, выпятив грудь.

— Дв,— отвечвет высокомерно детина.

— Тогда пойди в соседний бар, я только что получил твм по физиономии...

●

«Урзика», Румыния.

КРОКОДИЛ

№ 18 (2208)

ИЮНЬ

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Темы рисуииов этого номера придумали: А. Алешичев, А. Анно, Ю. Андреев, М. Битный, В. Владов, Б. Газанчяи, Р. Друимаи, В. Жариинов, Н. Капуста, В. Левоиюи, Е. Милутиа, И. Сычев, В. Тильман.

■

НАШ АДРЕС:

101455,
Москва, А-15, ГСП,
Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

■

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

■

Редакционная коллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(зам. главного редактора)
И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
(ответственный секретарь)

■

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА.

■

Рукописи ие возвращаются

■

Сдаио в набор 27/V 1977 г. А 02076. Подписано к печати 7/VI 1977 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 850 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 651 350). Изд. № 1484. Заказ № 674.

■

Ордена Ленина и ордеиа Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Лениив. 125865. Москва, А-47, ГСП. ул. «Правды», 24.

международное изообозрение

Наряду с «обычными» арестами своих политических противников чилийская хунта производит аресты тайные, утверждая затем, что ничего не знает о судьбе «исчезнувших».

— Здесь, сеньор полковник, у нас арестованные, а здесь исчезнувшие.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА.

К пекинским вдохновителям «крестового похода» против СССР слетаются для «обмена идеями» самые ярые противники разрядки, такие, как американский сенатор Джексон, предводительша британских консерваторов Тэтчер, баварский реваншист Штраус.

«ПОЧТОВЫЕ ГОЛУБИ» ПРОТИВНИКОВ РАЗРЯДКИ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Осуждая на словах расистский режим в ЮАР, США и Англия втихомолку оказывают правящей клике Форстера всестороннюю поддержку.

НА СВОИХ НА ДВОИХ

Рисунок И. СЫЧЕВА.

КРОКОДИЛ

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Индекс 70448 Цена номера 20 коп.